

Эйнгард. Жизнь Карла Великого.

Приступая к описанию жизни, характера и подвигов государя и покровителя моего, превосходнейшего и заслуженно прославленного короля Карла, я стремился быть разумно кратким: не опуская ничего из дошедших до меня Сведений, вместе с тем не хотел обременять излишними подробностями тех, кто не любит читать современные сочинения. И хотя не сомневаюсь, что кроме меня найдутся люди досужие и образованные, которые не считают современность до того ничтожной, чтобы совсем умолчать о ней, уверен, никто из них не мог бы описать с такою достоверностью все то, что мною познано и увидено собственными глазами; впрочем, я предпочел бы писать вместе с другими об одном и той же, лишь бы не погибли во мраке забвений славная жизнь и неповторимые деяния величайшего из государей своего времени.

Но была и другая не менее важная причина, которая и одна могла бы принудить меня взяться за труд: это заботы Карла обо мне и его постоянное дружеское расположение, которое я чувствовал, находясь при дворе. Он так привязал меня к себе и сделал таким должником при жизни и посмертно, что я справедливо был бы обвинен в неблагодарности, если бы обошел молчанием блестящие и знаменитые подвиги моего благодетеля, будто жизнь его не заслуживает ни литературного воспоминания, ни похвального слова. Итак, преподношу тебе, читатель, свой Труд, написанный ради сохранения памяти, о славном и великом муже. Ты будешь удивляться подвигам Карла, да еще, быть может, тому, что я, варвар, весьма мало знакомый с латинским языком, подумал, будто могу порядочно и толково на нем написать, и дошел до такого бесстыдства, что, по - видимому, пренебрег словами Цицерона, сказавшего в «Книге тускуланских бесед»; «Взять на себя облечение в литературную форму своих размышлений и не уметь ни расположить их, ни отделать, ни заинтересовать ими читателя может лишь человек невоздержанный на досуг и писательство». Такое изречение великого оратора могло бы остановить меня, если бы я не решил с твердостью скорее подвергнуться осуждению и пожертвовать своею литературной репутацией, нежели, щадя самого себя, не сохранить памяти о столь великом муже.

1. Считаю, что род Меровингов, из которого франки избирали своих королей, пресекся на Хильдерике, низложенном и заточенном в монастырь по приказу римского первосвященника Стефана [751].

В действительности же род этот давно был бессилен. Богатства и власть находились в руках придворных сановников, называемых майор - домами. А королю оставалось довольствоваться своим титулом и являть видимость власти, когда, восседая на троне, длинноволосый и длиннородый, выслушивал он иноземных послов и давал им, как бы от себя, ответы, в действительности предписанные, продиктованные и заученные. Кроме пустого титула и скудного содержания, которое определял ему майордом, имел он всего лишь одно, да и то крошечное, поместье, служившее ему жилищем и поставлявшее немногочис-

ленную прислугу. Куда бы король ни отправлялся, он ехал в повозке, запряженной, по деревенскому обычаю, парой волов, которыми правил пастух. Так ездил он во дворец, на народные собрания, проводимые ежегодно для пользы государства, и так же возвращался домой. Об управлении же королевством и обо всех внутренних и внешних делах заботился майордом.

2. Ко времени, когда был низложен Хильдерик, должность майордома занимал Пипин, отец короля Карла, причем занимал как бы по праву наследства. Ибо и отец его, Карл, который подавил магнатов, присвоивших было власть над всей Францией, а также, в двух больших сражениях - в Аквитании, у города Пиктавия и близ Нарбонны, на реке Бирре, - настолько разбил сарацинов, пытавшихся овладеть Галлией, что заставил бежать их обратно в Испанию, имел ту же должность, перешедшую к нему от отца его, Пидина. В звании же майордома народ утверждал лишь тех, кто выделялся и знатностью рода, и богатством.

После того как Пипин, отец короля Карла, унаследовав эту должность от отца и деда [741], в течение нескольких лет исполнял обязанности совместно и в полном согласии с братом своим Карломаном, последний по неизвестной причине, но вероятнее всего из любви к созерцательной жизни, покинув мирские Дела, уехал в Рим [747]. Там, приняв монашеский сан, построил он на горе Соракте у церкви блаженного Сильвестра монастырь, в котором несколько лет пользовался желанным покоем.

Но затем ему пришлось сменить убежище, ибо уединение его стало непрерывно нарушаться знатными паломниками из Франции, которые, прибывая во множестве в Рим ради исполнения своих обетов, считали долгом посетить своего прежнего повелителя. Видя, что эти частые визиты мешают его цели, Карломан, покинув гору, удалился в провинцию Самний, в монастырь святого Бенедикта, расположенный близ селения Кассино, и там провел остаток дней своих, ведя благочестивый образ жизни.

3. Что же касается Пипина, то он, решением римского первосвященника возведенный из майордомов в короли, единолично правил франками около пятнадцати лет и закончил войну, которую девять лет [760 - 768] вел против герцога Вайфария аквитанского.

Пипин умер в Паризии от водянки [768], оставив двух сыновей - Карла и Карломана, милостью божьей унаследовавших королевство. Франки, торжественно собрав общий сход, утвердили королями обоих братьев, причем поставили условием, чтобы Карл удержал за собою ту часть государства, которую некогда имел отец его Пипин, а Карломану осталась та часть, которой прежде управлял его дядя Карломан. Условие было принято, и каждый из королей получил свою долю.

Согласие между ними сохранялось с величайшим трудом, ибо многие из окружения Карломана старались рассорить братьев и даже довести дело до войны. Последующий ход событий устранил опасность и вскрыл истину: после смерти Карломана [771] вдова его с сыновьями и наиболее знатными из придворных

пренебрегла без видимой причины радушием деверя и бежала в Италию искать покровительства у Дезидерия, короля лангобардов. Карл же по смерти брата с всеобщего согласия был провозглашен единым королем франков.

4. Не считая удобным из - за отсутствия достоверных сведений останавливаться на рождении, детстве и отрочестве Карла*, я прямо перейду к описанию его дальнейшей жизни, причем сначала расскажу о совершенных им подвигах, затем о его нраве, занятиях, об управлении государством и, наконец, о его смерти, не опуская ничего, что заслуживает внимания и достойно быть упомянутым.

5. Из всех войн, которые вел Карл, первой была аквитанская [769], начатая, но не завершенная его отцом.

Карл развязал ее еще при жизни Карломана, рассчитывая с помощью брата быстро закончить. И хотя брат не оказал ему обещанной помощи. Карл, решительно продолжая задуманный поход, окончил его не раньше, чем своими упорством и твердостью добился всего, чего желал. Он принудил Гунольда, который после смерти Вайфария захватил Аквитанию и попытался возобновить почти оконченную войну, бежать в Васконию. Не оставляя его и там в покое. Карл перешел реку Гаронну и потребовал через послов у герцога Лупа васконского выдачи беглеца; в случае промедления Карл грозил войной. Однако Луп, следуя здравым советам, не только выдал Гунольда, но и сам вместе со своею страной признал власть Карла «.

6. По окончании этой войны и устройства дел в Аквитании, когда брат его уже умер, Карл, уступая настоятельным просьбам римского епископа Адриана, предпринял войну против лангобардов [773 - 774]. Подобную же войну вел ранее отец Карла по призыву папы Стефана, встретив при этом немалые затруднения, ибо некоторые представители франкской знати, с которыми он имел обыкновение совещаться, настолько воспротивились его воле, что открыто угрожали покинуть короля и возвратиться домой. Тем не менее тогда война против короля Айстульфа была все же начата и быстро завершена. Но хотя могло показаться, что причины войны и у Пипина и у Карла были схожи, а пожалуй, даже и одинаковы, далеко не одинаковыми оказались трудности, которые пришлось встретить в походах, равно как и последствия обеих войн. Пипин заставил короля Айстульфа после нескольких дней осады Тицина дать заложников и возвратит отнятые у римлян города и замки, скрепив это клятвой не покушаться на новые захваты. Карл же, начав войну, не прежде ее окончил, чем добился капитуляции утомленного долгой осадой короля Дезидерия [774], прогнал не только из королевства, но и из Италии сына его Адальгиза, на которого все возлагали надежды, возвратил все захваченное у римлян, расправился с Гродгаузом, герцогом фриульским, поднявшим мятеж [776], и над всей Италией, подчиненной его власти, поставил королем сына своего Пипина [781]. Я с охотой рассказал бы здесь, сколь труден был переход франков через Альпы при вступлении их в Италию, какое упорство приходилось проявлять для достижения неприступных горных вершин, утесов, высившихся до облаков, и обрывистых

скал, если бы не поставил главной целью сего труда описание образа жизни Карла, а не войн, которые он вел.

7. После окончания дел итальянских вновь возобновилась, как бы прерванная, саксонская война [772 - 804].

Она была самой продолжительной и жестокой и стоила франкскому народу наибольших потерь; ибо саксы, подобно почти всем народам, населяющим Германию, свирепые от природы, преданные культу демонов, нашей же религии противники, не считали бесчестным нарушить и осквернить как божеские, так и человеческие законы.

Были и иные причины, которые ежедневно подрывали мир: за исключением немногих районов, где наша граница с саксами четко определялась лесами или хребтами гор, она почти повсюду проходила по голой равнине и, будучи вследствие этого неопределенной, являлась местом постоянных убийств, грабежей и пожаров.

Всем этим франки были настолько раздражены, что, наконец, сочли нужным не просто платить саксам злом за зло, но начать против них войну. Итак, была начата война, которая велась на протяжении тридцати трех лет с обоюдным ожесточением, к большему, однако, урону для саксов, нежели для франков. Она бы могла окончиться скорее, если бы не вероломство саксов. Не сосчитать, сколько раз они, побежденные, моля о пощаде, покорялись королю, обещали исполнить предписанное, без промедления давали заложников, принимали отправляемых к ним послов; сколько раз они были до такой степени укрощены и смягчены, что даже обещали больше не поклоняться демонам и принять христианскую веру. Но сколь часто на это они соглашались, столь же часто и нарушали свое слово: со времени объявления войны не проходило и гбда без того, чтобы саксы не обнаружили своего непостоянства. Однако величие души короля и его непреклонность, равные и в несчастье и в удаче, не могли быть ни побеждены, ни ослаблены этим вероломством саксов. Не допуская, чтобы какая-либо из их проделок оставалась безнаказанной. Карл, предводительствуя лично или посылая войско под начальством своих графов, мстил за измену и налагал достойное наказание, пока, наконец, сокрушив и подчинив своей власти всех, кто сопротивлялся, не переселил десять тысяч человек, живших по обе стороны Альбин», вместе с их женами и детьми в разные области Галлии и Германии [804]. После этого война, тянувшаяся столько лет, была, как известно, закончена, а саксы, отказавшись от культа злых духов и бросив обряды отцов, приняли христианскую веру с ее таинствами и, соединившись с франками, составили вместе с ними единый народ.

8. Хотя война эта тянулась весьма долгое время, сам Карл сразился с неприятелем не более, чем дважды, и первый раз возле горы, называемой Оснегги, в месте по имени Теотмелли, второй - у реки Газы, причем оба сражения произошли в одном месяце, в промежуток всего лишь в несколько дней [783].

Этими победами враги были настолько потрясены, что не рисковали более ни вызывать короля на бой, ни сопротивляться его нападению, если местоположение не было удобным для защиты. Тем не менее война эта унесла много знат-

ных и должностных лиц с обеих сторон. Причем, пока она продолжалась, франкам было объявлено столько войн в различных частях земли, и все они оказались так удачно оконченными благодаря Карлу, что не знаешь, чему более удивляться: терпению ли, с которым переносил он невзгоды, или его счастью. И правда, превосходя умом и характером всех современных ему властителей, он никогда не отступал перед трудностями, но умел выжидать, не падал духом в несчастье, а среди удач не возносился ложным самообольщением.

9. В то время, как почти непрерывно велась борьба с саксами. Карл, расположив в удобных местах по границе с ними гарнизоны, сам отправился с огромными военными силами в Испанию [778]. Перейдя горный хребет Пиренеев и приняв капитуляцию всех городов и крепостей, которые лежали на его пути, он возвратился благополучно и без потерь. Только в самих Пиренеях, на обратной дороге пришлось ему несколько испытать вероломство басков. Когда войско двигалось растянутым строем, как к тому вынуждали горные теснины, баски, устроив засаду на вершинах скал, - место же это вследствие густоты покрывавших его лесов весьма благоприятствовало их замыслу - напали сверху на отряд, прикрывавший обоз, оттеснили его в долину и, завязав бой, перебили всех до единого, после чего, разграбив обоз, под покровом наступившей ночи быстро рассеялись в разные стороны. В этом деле баскам помогли и легкость их вооружения, и местность, в которой происходил бой.

В сражении наряду со многими другими погибли королевский стольник.

Эггихард, пфальцграф Ансельм и Хруотланд, префект бретонского рубежа.

10. Покорил Карл и бриттов, живших на западе, в отдаленнейшей части Галлии на берегу океана и не желавших ему повиноваться; войско, отправленное королем, принудило бриттов дать заложников и выполнить все, что было приказано [786].

Сам же Карл после этого снова вторгся с войском в Италию и, держа путь через Рим, подошел к Капуе, городу Кампании, откуда, расположившись лагерем, стал угрожать войной беневентцам [787]. Но герцог народа этого, Арахиз, предотвратил войну: послав навстречу королю своих сыновей Румольда и Гримольда с большими дарами и прося взять их обоих заложниками, он обещал вместе со всем своим народом исполнить любые повеления, лишь бы Карл не потребовал его личной явки.

Король, думая больше о пользе народа, нежели об упрямстве одного лица, взял предложенных заложников и за большую сумму денег уступил просьбе Арахиза. Из сыновей он удержал, однако, лишь младшего, а старшего отправил к отцу вместе с уполномоченными для принятия присяги у беневентцев. Сам же повернул на Рим и, проведя там несколько дней у святых мест, вернулся в Галлию.

11. Внезапно начавшаяся затем баварская война имела скорый конец [787 - 788].

Причиной войны было высокомерие и безрассудство герцога Тассилона. По подстрекательству жены своей, дочери короля Дезидерия, желавшей с помо-

щью мужа отметить за изгнание отца, Тассилон попытался, заключив союз с гуннами, восточными соседями баваров, не только оказать неповиновение, но спровоцировать короля на войну.

Возмущенный король, не желая переносить подобной дерзости, собрав отовсюду войско, направил его к Баварии, сам же с большой армией подошел к Леху, - реке, отделявшей баваров от аламаннов. Расположившись лагерем на ее берегу. Карл решил, прежде чем вторгаться в страну, узнать через своих послов о намерениях герцога. Но тот, не считая полезным ни для себя, ни для своего народа дальнейшее сопротивление, смиренно изъявил покорность и дал требуемых заложников, в числе их и сына своего, Теодона, клятвенно обещая, что никакие уговоры не заставят его, герцога, восстать против Карла.

Тассилон, однако, вскоре вновь призванный к королю, был им удержан; провинция же герцога была вручена для управления графам.

12. Едва лишь покончили с этими беспокойствами, как началась война со славянами, которые по - нашему называются вильцы, а на своем языке - велатабы [789].

В походе наряду с прочими народами в качестве вспомогательных войск участвовали И1.саксы, хотя покорность их была притворной и малонадежной. Причина войны заключалась в том, что вильцы беспрестанно тревожили набегами абодритов, давних союзников франков, и не могли быть удержаны одними приказами.

От западного океана к востоку протянулся некий залив, длина которого неизвестна, ширина же нигде не превышает ста тысяч шагов, хотя во многих местах является меньшей. По берегам его живет множество народов; даны и свеоны, которых мы называем норманнами, заселяют северное побережье и все близлежащие острова. Восточный берег занят славянами, эстами и различными другими народами, среди которых главным является тот, с которым король теперь вступил в войну, - велатабы.

Одним лишь походом, в котором предводительствовал Карл, он их укротил и смирил настолько, что в дальнейшем они не считали возможным более уклоняться от повиновения.

13. Самой значительной из всех проведенных Карлом войн, если не считать саксонской, была та, которая последовала за походом в страну вильцев, а именно война против аваров, или гуннов [791 - 799]. Она была особенно ожесточенной и потребовала очень больших издержек, Сам король возглавил, правда, всего лишь одну экспедицию в Паннонию - так называлась земля, которую населял тогда этот народ, руководство же остальными доверил сыну своему Пипину, правителям областей, а также графам и особым уполномоченным. И хотя война эта проводилась ими весьма деятельно, окончилась она только на восьмом году от начала. Сколько здесь было дано сражений, сколько пролито крови, можно судить по тому, что в Паннонии не осталось в живых ни одного ее обитателя, а место, в котором находилась резиденция кагана, не сохранило и следов человеческой деятельности. Вся знать гуннов в этой войне была переби-

та, вся их слава - предана забвению. Все деньги их и накопленные за долгое время сокровища были захвачены.

Нельзя указать другой войны, объявленной франкам, во время которой они смогли бы столько приобрести и так обогатиться. Ведь до сих пор франки считались почти бедными, а теперь они захватили в аварской столице столько золота и серебра и в битвах овладели такой драгоценной добычей, что поистине можно считать - франки законно исторгли у гуннов то, что прежде гунны незаконно исторгали у других народов. В этой войне из знатных франков погибли всего двое: Эрик, герцог фриульский, захваченный в засаде жителями Тарсатики, приморского города Либурнии, и префект Баварии Герольд, убитый неизвестно кем, с двоими сопровождавшими его в Паннонии, когда, готовясь к бою с гуннами, он строил войско и, объезжая ряды, подбадривал каждого поодиночке. В остальном же война эта, хотя и тянувшаяся долее обычного, не стоила франкам больших потерь и имела счастливый исход. После нее закончилась и саксонская война, принесла результаты соответственные своей продолжительности.

Войны богемская и линонская, вспыхнувшие вслед за тем, не могли затянуться надолго: каждая из них была быстро завершена под руководством Карла Юного.

14. Последняя из войн была предпринята против норманнов, которых называют данами [808], сначала занимавшихся пиратством, а потом заведших большой флот и приступивших к опустошению берегов Галлии и Германии. Король их, Годфрид, до того был раздут пустой сесью, что подумывал о подчинении себе всей Германии, а Фризию и Саксонию называл не иначе, как своими провинциями. Уже покорил он и сделал своими данниками соседних абодритов. Уже похвалялся, что вскоре придет с большими силами в столицу франкского государства Ахен. И словам Годфрида, хотя и пустейшим, почти уже верили и даже думали, что он может предпринять что - либо в этом роде, когда вдруг намерения его предупредила внезапная смерть. Так, убитый своим же телохранителем, нашел он конец и собственной жизни, и предпринятой войне.

15. Таковы были войны, которые с великими мудростью и удачей вел могущественнейший король в разных концах земли в течение сорока семи лет - именно столько лет он царствовал.

Этими войнами королевство франков, полученное от отца своего, Пипина, уже великим и сильным. Карл расширил и увеличил чуть ли не вдвое. Прежде к владениям франкского королевства относилось не более чем часть Галлии, что лежит между Реном и Лигером, океаном и Балеарским морем, и часть Германии, населенная восточными франками, расположенная между Саксонией и Данубием, Реном и Салой - рекой, отделяющей тюрингов от сорабров, кроме того, в состав королевства входили тогда земли аламаннов и баваров.

Карл же благодаря упомянутым войнам сначала присоединил Аквитанию, Саксонию и все от хребта Пиренейских гор до реки Ибера, которая начинается у наварров и, пробегая плодороднейшие поля Испании, впадает в Балеарское море у стен города Дертозы; потом - всю Италию, которая простирается свыше

чем на тысячу миль от Августы Претории до южной Калабрии, где, как известно, сходятся пределы греков и беневентцев; затем - Саксонию, составляющую немалую долю Германии и превосходящую по ширине ту ее часть, которая населена франками, как полагают, в два раза, хотя по длине она, быть может, и вполне ей равна; после этого - обе Паннонии и расположенную на том берегу Дуная Дакию, и Истрию, и Либурнию, и Далмацию, исключая приморские города, которые по дружбе и в силу заключенного договора Карл уступил константинопольскому императору: наконец, все варварские и дикие народы, населяющие Германию и живущие между Реном и Вистулой, океаном и Данубием, весьма различные по нравам и образу жизни, но близкие между собой по языку. Народы эти Карл ослабил настолько, что сделал своими данниками; между ними главнейшие - велатабы, сорабы, абодриты, богемане - с ними именно Карл и состязался войной: остальные же, число которых гораздо больше, просто капитулировали.

16. Карл увеличил славу своего царствования приобретением дружбы некоторых королей и народов.

Так он вступил в столь тесные отношения с королем Галисии и Астурии, Гадефонсом, что тот, отправляя к Карлу письма или послов, приказывал называть себя не иначе, как «принадлежащим ему всецело». Даже королей скоттов сумел он своею щедростью настолько себе подчинить, что они величали Карла не иначе, как «господином», себя же - его «подданными и рабами». Существуют и письма от них, в которых выражена подобная преданность.

Аарон, король персов, который владел, за исключением Индии, почти всем Востоком, был столь дружески расположен к Карлу, что его любовь предпочитал приязни всех королей и князей земли и его одного считал достойным уважения и щедрости. Поэтому, когда послы Карла, отправленные с дарами на место погребения и воскресения светлейшего господина нашего и спасителя, пришли к Аарону и изложили ему волю своего государя, он не только разрешил то, о чем его просили, но даже уступил под власть Карла самую святыню эту. И, присоединив к возвращавшимся послам своих, вручил им для передачи нашему королю громадные дары из богатств Востока, в числе которых находились различные одежды и благовония, не говоря уже о том, что ранее отослал слона, о котором Карл его просил, хотя сам Аарон имел в то время только одного.

Очень часто также отправляли к Карлу послов и императоры константинопольские, Никифор, Михаил и Лев, добровольно искавшие с ним дружбы. Когда же принятие Карлом императорского титула 'возбудило в них сильное подозрение, будто бы наш государь хочет отнять у них империю, Карл, дабы ликвидировать всякий повод к скандалу, вступил с ними в теснейший союз.

Вообще же римляне и греки всегда недоверчиво относились к могуществу франков. Отсюда и произошла греческая поговорка: «имей франка другом, но не имей соседом».

17. Постоянно занятый расширением пределов королевства и подчинением соседних народов. Карл вместе с тем не упускал из внимания ничего, что отно-

силось к пользе и украшению государства: он многое начал, а кое - что успел и закончить.

На первое место среди подобных предприятий должны быть поставлены удивительной работы собор Богоматери в Ахене, мрамор для колонн которого специально вывозился из Рима и Равенны, а татке мост через Рейн у Могонтинака в пятьсот шагов длины - такова ширина реки в этом месте. Мост, однако, сгорел за год до кончины Карла и потому не был восстановлен, а между тем император имел намерение построить каменный на месте деревянного.

Начал он возводить и дворцы отличной архитектуры, один - неподалеку от Могонтиака, у поместья Ингиленгейм, другой - в Новиомаге на реке Ваале, которая с южной стороны омывает остров батавов.

Но особенно заботился Карл о восстановлении церквей, пришедших в упадок:

он посылал соответствующие приказы епископам и священникам, а для надзора за исполнением отправлял своих посланцев.

В период норманнской войны он занялся строительством флота, сооружая для этого корабли на реках, которые, протекая по Галлии и Северной Германии, впадают в океан. А так как норманны постоянно опустошали берега Галлии и Германии, то во всех портах и в устьях судоходных рек были по его приказу устроены стоянки для судов и выставлены сторожевые корабли, дабы предупредить вторжение неприятеля.

То же самое было сделано и на юге, вдоль берегов Нарбоноккой провинции и Септимании, а также по всему побережью Италии, вплоть до Рима: меры эти были приняты против мавров, незадолго до этого также начавших заниматься пиратством.

Вследствие всего этого в годы правления Карла ни Италия, ни Галлия, ни Германия не понесли чувствительных потерь, если не считать двух случаев, когда Центумцелла, город Этрурии, был взят изменою и опустошен маврами и во Фризии несколько островов у германского берега были ограблены норманнами.

18. Такова была, как можно видеть, деятельность Карла, направленная к расширению, охране и украшению государства. Теперь я перейду к рассказу об обстоятельствах его личной и домашней жизни. После кончины отца, разделив государство с братом, Карл, всем на удивление, крайне терпеливо сносил его коварство и злобу. Уступив материнским уговорам, он женился на дочери Де-зидерия, короля лангобардов, но через год по неизвестной причине оставил ее и взял в жены Гильдегарду, знатную девушку из племени швабов. От нее он имел трех сыновей - Карла, Пипина и Людовика и стольких же дочерей - Хруотруду, Берту и Гизелу. Были у него и еще три дочери - Теодерада, Хильтруда и Хруотгайда, две - от королевы Фастрады, происходившей из восточных франков, третья - от наложницы, имени которой сейчас не припомню. По смерти Фастрады король женился на аламанке Лиутгарде, которая не оставила потомства. Затем он имел троих наложниц: саксонку Герсвинду, родившую дочь Адальтруду, Регину, которая родила Дрогона и Гуго, и Адалинду, родившую Теодориха.

К матери своей Бертраде Карл относился с величайшим уважением. Причиной единственной ссоры, случившейся между ними, был развод Карла с лангобардской принцессой. Королева - мать умерла после Гильдегарды, увидав своих шестерых внуков и внучек. Карл похоронил ее с великими почестями в храме святого Дионисия, где ранее был погребен его отец, Единственная сестра Карла, Гизела, отданная с детских лет в монастырь, почиталась им наравне с матерью. Она умерла за несколько лет до его кончины и была похоронена в том же монастыре, где и жила.

19. Детей своих Карл прежде всего посвящал а науки, которыми занимался сам. Затем, по обычаю франков, сыновей он обучал верховой езде, обращению с оружием и охоте, а дочерям предписывал прясть лен и трудиться по дому, дабы они не коснели в праздности.

При жизни короля умерли трое из его детей: наследник престола Карл, король Италии Пипин, а также Хруотруда, старшая из дочерей, сосватанная за византийского императора Константина. Пипин италийский оставил сына Бернарда и пять дочерей. Король оказал им великую милость, уступив 'внушу наследство отца и взяв внучек на воспитание вместе со своими дочерьми. Вообще, великодушный и мягкосердечный, он всегда тяжело переносил смерть своих детей, да и не только их: при известии, например, о смерти римского первосвященника Адриана [796], бывшего одним из главных его друзей. Карл оплакивал его так, будто потерял любимого сына или 'брата. Открытый дружбе, Карл оставался в ней постоянным и всегда сохранял уважение к тому, кого хоть однажды прибрилизил к себе. О сыновьях же и дочерях своих Карл заботился настолько, что, будучи дома, никогда не обедал без них, а отправляясь в путь, всегда брал их с собою; сыновья ехали подле него верхом, дочери следовали позади, сопровождаемые особым отрядом телохранителей.

Дочери были весьма красивы и так обожаемы королем, что - трудно поверить - ни одну из них он не пожелал выдать ни за своего, ни за чужестранца, но держал всех при себе, утверждая, будто не может без них жить. И потому, будучи во всем счастливым. Карл с этой стороны испытал удары превратной судьбы. Однако он умел делать вид, будто не существовало ни малейшего подозрения или слуха насчет которой - нибудь из его дочерей».

20. Был у него и еще один сын, по имени Пипин, рожденный от наложницы, о которой я до сих пор не упоминал, красивый лицом, но обезображенный горбом.

В то время как отец, начав войну против аваров, зимовал в Баварии, горбун, притворившись больным, вступил в сговор с несколькими знатными франками, увлекшими его пустым обещанием возвести на престол [792]. Раскрыв заговор и наказав изменников, Карл разрешил Пипину постричься в монахи и поселиться в Прумской обители.

Обнаружился и еще один большой заговор, ранее составленный против Карла в Германии [785 - 786].

Виновные были частью ослеплены, частью отправлены в изгнание, за исключением трех, которых умертвили, ибо их нельзя было усмирить иначе, так как они сопротивлялись, обнажив мечи и даже убив нескольких человек. Надо думать, что причина этих заговоров коренилась в жестокосердии королевы Фастрады; в обоих случаях все произошло оттого, что Карл, уступая жене, слишком отклонился от свойственных ему доброты и кротости. Впрочем, всю жизнь он обращался с подданными и с иностранцами с такой любовью и снисхождением, что никто никогда не упрекнул его в малейшей несправедливой суровости.

21. Карл любил чужеземцев и весьма заботился о том, чтобы хорошо их встретить, в силу чего многочисленность их воистину казалась обременительной не только для двора, но и для государства. Но он благодаря широте своей природы не принимал в расчет подобных соображений, полагая, что и величайшие затраты в этом случае будут вознаграждены славой щедрости и ценою доброго имени. 22. Карл обладал крепким телосложением и довольно высоким ростом, но не был выше семикратной длины своей ступни.

Голова его была круглой, глаза - большими и выразительными, нос - довольно крупным. Благородная седина очень украшала лицо, всегда живое, веселое. Все это весьма способствовало его обаянию. И хотя шея его была слитком коротка и толста, а живот выпирал, пропорциональность остальных частей тела скрадывала эти недостатки.

Походка Карла была твердой, весь его облик - мужественным, но голос, хотя и звучный, не вполне соответствовал мощному телосложению. Он отличался превосходным здоровьем и лишь в последние четыре года страдал лихорадкой, а также временами прихрамывал на одну ногу. Но и тогда пренебрегал он советами врачей, которых ненавидел за то, что они убеждали его отказаться от любимой жареной пищи.

Карл усердно занимался верховой ездой и охотой, влечение к коим было у него врожденным: едва ли найдется на земле народ, который мог бы сравниться в этом искусстве с франками..

Любил он также купаться в горячих источниках и достиг большого совершенства в плаванье. Именно из любви к горячим ваннам построил он в Ахене дворец и проводил там все последние годы жизни. На купанья, к источникам он приглашал не только сыновей, но и знать, друзей, а иногда телохранителей и всю свиту; случалось, что сто и более человек 'купались вместе.

23. Карл носил народную франкскую одежду.

На тело он надевал полотняное белье, сверху обшитую шелковой бахромой тунуку и штаны. Ноги до колен обертывал полотняной тканью. Зимой закрывал грудь и плечи пелериной из шкур выдры и соболя. Поверх всего набрасывал зеленоватый плащ и всегда опоясывался мечом, рукоять и перевязь которого, серебряные или золотые, по торжественным дням и на приемах были украшены драгоценными камнями.

Иноземной одеждой, сколь бы ни была она красива. Карл пренебрегал. Лишь в Риме, по просьбе папы Адриана, а в другой раз, его преемника Льва, он возло-

жил на себя длинную тунику и хламиду и обулся по - римски. Только в особо торжественных случаях он облачался в одежды, затканые золотом, и надевал обувь, усыпанную драгоценными камнями, плащ застегивал золотой пряжкой и надевал золотую корону.

В обычные же дни наряд его мало отличался от одежды простолюдина.

24. Умеренный в еде и питье. Карл, как укажу дальше, особенно мало пил и ненавидел пьянство во всяком, не говоря уже о себе и своих близких. Но в пище он не мог быть равно воздержан и часто жаловался, что пост вредит его здоровью.

Званные обеды давал он только по большим праздникам и в этих случаях созывал множество гостей. Обычный же обед был очень прост: он состоял лишь из четырех блюд, не считая жаркого, которое сами охотники подавали прямо на вертелах и которое Карл предпочитал всякому другому яству. Во время еды он слушал музыку или чтение. Его занимали подвиги древних, а также сочинения святого Августина, в особенности то, которое называлось «О граде божьем».

Воздержанность его в вине доходила до того, что за обедом он выпивал не более трех кубков. После обеда в летнее время он съедал несколько яблок и выпивал еще один кубок: потом, раздевшись донага, отдыхал два или три часа.

Ночью же спал он беспокойно: четыре - пять раз просыпался и даже вставал с постели.

Во время утреннего одеванья Карл принимал друзей, а также, если было срочное дело, которое без него затруднялись решить, выслушивал тяжущиеся стороны и выносил приговор, как будто бы сидел в судейском кресле. В это же время он отдавал распоряжения своим слугам и министрам на весь день.

25. Был он красноречив и с такой легкостью выражал свои мысли, что мог бы сойти за ратора.

Не ограничиваясь отечественной речью, Карл много трудился над иностранною и, между прочим, овладел латынью настолько, что мог изъясняться на ней, как на родном языке; но по - гречески более понимал, нежели говорил. Прилежно занимаясь различными науками, он высоко ценил ученых, выказывая им большое уважение.

Граматику он слушал у Петра Пизанского - дьякона, человека преклонных лет; в прочих же предметах имел наставником Альбина (прозванного Алкуином), тоже дьякона, сакса, родом из Британии, мужа, умудренного во многих науках. У него Карл обучался риторике, диалектике и в особенности астрономии, благодаря чему мог искусно вычислять церковные праздники и наблюдать за движением звезд.

..Пытался он также писать и с этой целью постоянно держал под подушкой дощечки для письма, дабы в свободное время приучать руку выводить буквы; но труд его, слишком поздно начатый, имел мало успеха.

26. (Проникшись с детства христианскою верой. Карл следовал ей свято и неуклонно.

Он посещал церковь в различное время, даже ночью, если не был болен; причем следил, чтобы все выполнялось как должно и ни в чем не нарушались религиозные предписания. Им же был установлен строгий порядок церковной службы и песнопения. Весьма искусный в этом. Карл, однако, сам никогда на людях не читал молитвы, а пел только в хоре,, да и то лишь вполголоса.

27. Заботясь о помощи бедным, он посылал доброхотную милостыню многим нуждающимся христианам, будь то в пределах его королевства, будь то даже в странах заморских - Сирии, Египте, Африке, Иерусалиме, Александрии или Карфагене. Именно ради этого он и стремился к дружбе с иноземными государями.

Но более всего радел он о восстановлении бывшего величия Рима, отправляя бесчисленные дары папам и щедро украшая собор апостола Петра, который выделял среди всех церквей мира.

Сам, однако, за сорок семь лет царствования был на богомолье а Риме всего четыре раза.

28. Но не одно лишь благочестие заставило его предпринять свой последний поход в Вечный город [800].

Дело в том, что римляне нанесли тяжкие оскорбления первосвященнику Льву, лишили его зрения и вырвали язык. Вот почему, прибыв в Рим для восстановления попорченного порядка, король провел там целую зиму. Тогда - то он и получил звания императора н августа (25 января 800]. Этим на первых порах Карл был столь недоволен, что утверждал даже, будто, знай он заранее о намерениях папы, он «бы в тот день не пошел в церковь, невзирая на торжественность праздника. Ненависть константинопольских императоров, тотчас возникшую, Карл перенес с великим терпением, а упорство их победил своим великодушием, в котором, несомненно, намного их превосходил. Он часто отправлял к ним посольства и в письмах называл своими братьями.

29. По принятии императорского титула Карл, видя большие недостатки в законодательстве своего народа, - ведь франки имеют два закона, весьма различные во многих пунктах, - задумал восполнить недостающее, примирить противоречивое и исправить несправедливое и устаревшее. Однако он ничего этого не сделал, только добавил к законам несколько глав, да и то не вполне завершенных. Но зато приказал собрать и записать устные законы народов, находившихся под его властью. Также повелел он отобрать и сохранить древние песни, в которых воспевались деяния и войны прежних королей.

Карл начал составлять грамматику родного языка и дал отечественные названия месяцам, которые раньше именовались частично по - франкски, частично по - латыни. И двенадцать ветров получили от него франкские имена, в то время как прежде их имели едва лишь четыре.

30. В конце жизни, удрученный недугом и старостью. Карл призвал к себе Людовика, короля Аквитании, единственного оставшегося в живых сына Гиль-

дегарды, и, созвав торжественное собрание знатных франков всего королевства, назначил его, с общего согласия, своим соправителем и наследником, а затем возложил ему на голову корону и приказал впредь именовать его императором и августом [813].

Этот акт всеми был встречен с большим удовлетворением, ибо казался внушенным Карлу свыше и должен был умножить славу франкского государства и утратить чужеземные народы.

Отпустив затем сына в Аквитанию, император, невзирая на старость, отправился, как обычно, охотиться неподалеку от столицы. Проведя в этом занятии остаток осени, Карл возвратился на зиму в Ахен. Здесь он, сраженный сильной лихорадкой, в январе слег. Как всегда в подобных случаях, он стал поститься, рассчитывая этим прогнать или, по крайней мере, ослабить недуг. Вскоре к лихорадке присоединилась болезнь в боку, которую греки называют плевритом, Карл же продолжал воздерживаться от пищи и лишь изредка пил. И вот на седьмой день, приняв причастие, он умер.

Это случилось на 72 - м году его жизни и 47 - м году царствования, в пятые календы февраля, около трех часов дня [28 января 814].

31. Тело его, омытое и облаченное в парадные одежды, при великом плаче народа, было доставлено в церковь и предано земле. Сначала, правда, колебались, где его положить, ибо сам Карл не оставил каких - либо распоряжений на этот счет. Но затем единодушно решили, что нигде нельзя достойнее похоронить императора, нежели в соборе, который он сам построил, и в городе, который сам избрал в качестве столицы.

Там он и был погребен в день смерти, а над могилой воздвигли золоченую арку с надписью и его изображением, которая гласила: ПОД ЭТИМ КАМНЕМ ЛЕЖИТ ТЕЛО ВЕЛИКОГО И ПРАВОВЕРНОГО ИМПЕРАТОРА КАРЛА. ОН ЗНАТНО РАСШИРИЛ ФРАНКСКОЕ КОРОЛЕВСТВО И СЧАСТЛИВО ЦАРСТВОВАЛ XLVII ЛЕТ. УМЕР СЕМИДЕСЯТИДВУХЛЕТНИМ В ГОД ГОСПОДЕНЬ DCCCXIV, ИНДИКТА VII, V КАЛ. ФЕВР.

32. Незадолго до его кончины явились многие знамения, причем не только окружающим, но и Карлу был ясен их смысл. Три последних года наблюдались солнечные и лунные затмения, а на солнце целых семь дней подряд замечали темные пятна. Порттик, который с большим старанием был построен между собором и королевским жилищем, внезапно рухнул и развалился до основания. Также и мост на Рейне у Магонтиака, который Карл десять лет с великим трудом создавал и украшал, почему казалось, простоит он вечно, сгорел от неосторожного случая за три часа - кроме части, находившейся под водою, от него не осталось ни щепки.

Однажды во время последнего похода в Саксонию против Годфрида, короля данов. Карл, выступив на рассвете из лагеря, увидел упавшее с неба пламя, которое перед этим пролетело с ярчайшим сверканием в направлении справа налево. Пока все изумлялись, под Карлом упала на передние ноги лошадь, и он полетел на землю с такой силой, что лопнула застежка у плаща и разорвалась

перевязь. Подоспевшая прислуга должна была снять с короля все вооружение, и без ее помощи Карл не мог подняться. Копье же, которое он крепко держал в руке, выпало и улетело на расстояние не меньше, чем в двадцать футов.

Ахенский дворец часто сотрясался, а в домах, где бывал император, слышали треск балок. Собор же, где позднее Карл был погребен, испытал удар молнии, причем золотое яблоко, украшавшее вершину купола, раскололось и упало на крышу стоявшего рядом епископского дома.

В этом же соборе, на ободке, который опоясывал внутреннюю часть здания, была надпись алой краской, восхвалявшая строителя храма. Ее последний стих заканчивался словами: КАРЛ ПРИНЦЕПС. Было замечено, что в год смерти императора, за несколько месяцев буквы, составлявшие слово ПРИНЦЕПС, настолько стерлись, что их едва можно было разобрать. Но, наблюдая все это, Карл или делал вид, или на самом деле считал, будто ничто из описанного выше не имеет к нему ни малейшего отношения. 33. Карл готовил завещание, в котором хотел определить доли наследства своих дочерей и внебрачных детей; но, начав это дело поздно, до конца его довести не успел.

Раздел же драгоценностей, денег, платья и другого имущества между своими друзьями и слугами он сделал еще за три года до смерти, взяв слово с наследников, что после его кончины раздел этот, одобренный ими, будет нерушимо сохранен. Подробности же раздела, описанные в соответствующем документе, таковы.

Все имущество и добро, находившееся в кладовых Карла, было разложено на три равные части. Две из них он подразделил на двадцать одну долю, по числу архиепископских городов государства, коим доли эти и были завещаны. Оставшуюся треть Карл сохранял для себя до конца жизни. После же смерти его или в случае добровольного ухода в монастырь часть эту надлежало разбить на четыре доли, и одну из них присоединить к ранее упомянутой двадцати одной, вторую - вручить сыновьям, дочерям, внукам и внучкам для справедливого раздела между ними, третью - раздать бедным и четвертую - распределить между дворцовыми слугами. К этой последней трети, состоявшей, как и две остальные, из золота и серебра. Карл присоединил чаши из меди, железа и других металлов, оружие, одежды, занавеси, покрывала, ковры, шкуры, попоны и все остальное, что найдут в кладовых и сундуках в день его смерти.

Капеллу вместе со всем, что в ней сам накопил и получил по наследству, Карл приказал сохранить в целости и никакому разделу не подвергать, за исключением тех вещей, относительно которых будет точно доказано, что они не были подарены капелле и которые вследствие этого надлежало продать по справедливой цене.

Точно так же распорядился он и о книгах, которые в огромном количестве собрал в своей библиотеке: их мог купить всякий по настоящей цене, с тем чтобы вырученные деньги были розданы бедным. Кроме других богатств, были у Карла три серебряных стола и один золотой, огромного веса и размера. О них король распорядился следующим образом. Один, четырехугольный, с изобра-

жением города Константинополя, следовало отправить вместе с прочими дарами в Рим, для храма апостола Петра. Другой, круглый, украшенный видом города Рима, надлежало отдать равеннскому епископу. Третий же, который превосходил остальные и тщательностью работы и массивностью и состоял из трех досок с точным изображением всего мира, вместе с упомянутым выше золотым столом, по числу четвертым, был включен в ту часть имущества, которая должна была пойти наследникам Карла и на милостыню.

Это распоряжение Карл сделал и утвердил в присутствии многих епископов, аббатов и графов, которые скрепили документ своими подписями. Сын Карла Людовик, его божьей милостью наследник, рассмотрев эту дарственную, с величайшим благоговением позаботился исполнить все, что было предписано покойным императором.

Источник: <http://www.hrono.ru/>